

в настоящем пособии обучающая методика нашла свое отражение в материалах учебников. Так, параметры характеристики слова были представлены в виде схемы в учебнике «Русский язык. Практикум» в главе «Комплексный анализ слова ЯЗЫК».

Книга «Путешествие в удивительный мир слов» оправдывает свое название – это действительно увлекательное и познавательное путешествие, совершив которое читатель непременно повысит эрудицию, обогатит свой внутренний мир и научится видеть не только внешнюю форму слов, но и всю глубину их содержания, а значит, с большим пониманием, интересом и ответственностью станет относиться к языку.

Е.Ю. Кашаева

СЕМАНТИКА РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА: Монография / С.А. Карпухин – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2006 г. 188 с.

Рецензируемая работа посвящена исследованию одной из самых сложных проблем русской грамматики – поиску логического основания деления глаголов русского языка по видам – совершенному и несовершенному.

Достижения в области когнитивной лингвистики, прагматики языка, семантического синтаксиса, а также активизация отчетливо выраженной тенденции к репрезентации системного характера языковых единиц не могли не стимулировать новое осмысление проблем аспектологии, в том числе и вопросов об общем значении вида русских глаголов, не имеющих однозначного решения.

Исследование С.А. Карпухина выполнено в духе активно обсуждаемой в последние годы идеи о необходимости искать сущность видового противопоставления *всех глаголов* не только в характере самого действия, но и в его отношении к объективному времени, а также к ситуации, в которой это действие совершается, и речевой ситуации.

Нельзя не согласиться с автором рецензируемой работы в том, что именно в указанном ракурсе можно квалифицировать в качестве предмета исследования не только поиск семантического инварианта категории вида, но и отражения в сознании говорящих противопоставленных значений видов глагола.

Глава I – «Поиски семантического инварианта вида в русской аспектологии» посвящена целенаправленному анализу литературы, отражающей основные тенденции в разработке семантических проблем вида русского глагола. Обобщая взгляды ученых на классификацию видов глаголов, автор отмечает, что неудачи в попытках классифицировать по видовой семантике все глаголы русского языка обусловлены тем, что не было найдено единого логического основания для их бинарного деления.

Стремление выявить общее значение глагольного вида как базу, на которой основывается видовое противопоставление, только в характере действия, выра-

жаемого глагольной основой, не привело к поиску общепризнанного решения о семантическом инварианте вида. Существующие теории автор не просто с ходу отвергает как отражение однокомпонентного подхода к определению семантического инварианта, а приводит достаточное количество иллюстративного материала, подтверждающего его возражения и убеждающего читателя в том, что все по-прежнему продолжает вращаться вокруг характеристики самого действия — от понятия *кратности* до понятия *внутреннего предела* (с. 40–44).

Более перспективным в этом плане, как считает автор, оказывается двухкомпонентный подход, суть которого состоит в том, что указанная оппозиция устанавливается при опоре и на особенности действия, и на специфику его соотношения с ситуативным фоном, т.е. всем тем, что лежит вне самого действия, но неотделимо от него и сопряжено с ним во временном плане. При двухкомпонентном подходе к определению общего значения видов снимаются многие противоречия и неясности в характеристике семантики глаголов СВ и НВ. «Сущность видового противопоставления, — заключает автор, — лежит в различном соотношении действия с ситуативным фоном» (с. 60).

Ожидаемым и логически оправданным завершением первой главы, на наш взгляд, должен был быть раздел, содержащий материал, который стал предметом анализа в § 1 второй главы «О понятии семантического варианта глагольного вида». Но автор предпочел другой путь.

Глава II посвящена выявлению семантического инварианта видов русского глагола. Исходная позиция поиска инварианта: 1) бинарному противопоставлению членов видовой оппозиции НВ – СВ в плане выражения соответствует такое же противопоставление в плане содержания; 2) новая модель русского глагольного вида в плане содержания в классической трактовке оппозиции «вариант — инвариант» устанавливается при использовании двухкомпонентного подхода к поиску общего значения вида.

В соответствии с этим подходом глаголы СВ обозначают действие, *фиксируемое* на векторе объективного времени, а глаголы НВ — *нефиксируемое* действие. Глаголы совершенного вида, фиксируя в объективном времени действие через сопряженность с ситуацией, изображают его *в динамике*, т.е. показывают в движении, во времени, подразумевая возможность «раньше чем» или «позднее чем». Это принципиальное свойство СВ. Благодаря подобной фиксации действие оказывается сопряженным с ситуацией. И в любом случае это уже действие, происходящее в ситуацию (постситуацию), и (или, наоборот), действие, в которое переходит ситуация (предситуация).

Глаголы НВ, выражая действие, не фиксируемое на векторе объективного времени и, следовательно, не сопряженное с ситуацией, отвлеченное от нее, представляют подобное действие в собственном существовании — *в статике*.

Окончательная формулировка понятия *семантического инварианта* (в значении «обобщенное представление вариантов вида глагола») приведена на с. 78.

Автору удалось доказать эффективность, достаточность и убедительность двухкомпонентного подхода к определению инварианта вида русского глагола

и, соответственно, к выделению семантических вариантов: фиксированного (совершенного) и нефиксированного (несовершенного). На этой основе и формируется система видов, охватывающая *все глаголы русского языка без исключения*. В речи эта система проявляется в том, что любой глагол употребляется как один из вариантов общего, инвариантного значения того/иного значения того/иного вида.

Утверждая положение о том, что русские глаголы фиксированного и нефиксированного вида никогда не утрачивают своих инвариантных значений и функционируют непременно в противопоставлении друг другу, автор обращается и к теории видовой парности (§ 2.4). Эта теория, базирующаяся на положении об инвариантном значении вида, понимаемом как наличие или отсутствие у действия внутреннего предела, вызывает вполне оправданный скепсис исследователя в отношении широко распространенного понятия «видовая пара» и его трактовки.

С точки зрения исследователя, в современном русском языке вид глагола выступает как категория интерпретационная, а именно: любой фрагмент действительности в принципе может быть представлен глагольными видами как в динамике, так и в статике. Выбор соответствующего аспекта в каждом речевом акте зависит исключительно от интенции говорящего и от формы высказывания. Об интерпретационном характере категории вида убедительно свидетельствуют регулярная и продуктивная лексическая соотносительность фиксированного и нефиксированного видов, причем «не только и не обязательно парная, но и поливалентная (*говорить*–*заговорить*, *договорить*, *поговорить*, *разговориться*, *сказать*)».

Квалифицируя подобным образом рассматриваемую категорию, автор высказывает предположение, что указанное свойство «отражает диалектическую особенность русской национальной психики: склонность русского человека к покою и созерцательности с одной стороны, и его импульсивность и стремление к переменам – с другой» (с. 151).

Главу III «Семантическое варьирование видов (частные видовые значения)» автор тоже начинает с параграфа, который представляет собой экскурс в историю разработки вопроса о частных видовых значениях. Вряд ли можно считать такого рода разбиение материала, точнее — его распределение по параграфам продуктивным. Более логичным было бы продолжение и развитие положений, связанных с характеристиками инварианта, которые представлены в главе II, а не их повторение, как это сделано в начале § 3.2.

Своеобразная «автономизация» тесно связанных разделов или аспектов исследования, на наш взгляд, препятствует целостному восприятию и оценке как авторской концепции, так и результатов исследования. Это тем заметнее и ощутимее еще и потому, что параллельно рассматриваются и проблемные вопросы, касающиеся и аспектов русскоязычного сознания, и методики изучения видов в русской и иноязычной аудитории (последнее, как нам кажется, не следовало бы включать в такую работу).

В то же время следует отметить, что С.А. Карпухин не навязывает свою точку зрения на семантические и функциональные характеристики глаголов СВ и НВ и даже в выводах по центральной главе исследования подчеркивает, что изложенное им понимание функционально-семантической структуры видов не отменяет и не подменяет существующие в аспектологической литературе и в учебных пособиях классификации частных видовых значений.

Нам представляется, что приводимый конкретный материал и его достаточно глубокий анализ с позиций двухкомпонентного подхода к описанию семантического инварианта видов и, соответственно, вариантов фиксированного (совершенного) и нефиксированного (несовершенного) видов отличаются отчетливо выраженной новизной, концептуальностью и последовательностью. Результаты исследования органически дополняют типологические характеристики вида русского глагола.

Особый интерес вызывает глава IV — «Глагольный вид в русскоязычном сознании». В ней рассматривается вопрос о роли вида в русскоязычном сознании, об употреблении и функционировании глаголов СВ и НВ в обработанной и импровизированной речи. Дискуссионный характер преподнесения и квалификации в этой главе подобных аспектов очевиден.

Автор стремится доказать, что вид в современном русском языке следует признать категорией интерпретационной, а не онтологической: природу, характер действия виды отражают факультативно. Однако вряд ли можно принять тезис о том, чтобы квалифицировать интенцию говорящего (сугубо индивидуальные случаи неосознанного употребления видов или умышленного нарушения нормы) как отражение русскоязычного сознания и характерной черты русского менталитета вообще. В начале главы автор написал: «*Двойное восприятие действительности — в движении и покое, отраженное в русских глагольных видах, не является чертой исключительно русского менталитета: напротив, это общее свойство человеческого сознания*» (с. 218). А в выводах по главе IV на основании, на наш взгляд, несколько поверхностного анализа разрозненных фактов ненормированного употребления форм вида (нефиксированного и фиксированного) утверждается обратное в виде весьма категоричного положения о *двойственности восприятия действительности русскоязычным сознанием, проявляемой в категории глагольного вида, которая «отражает характерную черту русского менталитета, а именно: с одной стороны — склонность к созерцанию, глубокому проникновению в суть вещей, с другой стороны — стремление к новизне, переменам, развитию»* (с. 288).

Чему же верить? Что же служит основанием для такого утверждения о русскоязычном сознании и тем более — о русском менталитете? Или же это только гипотеза? Тем более, что в «Заключении» как раз это и подчеркивается. Нам представляется, что для таких обобщающих характеристик русскоязычного сознания и оценок русского менталитета явно недостаточно анализа одной грамматической категории.

Но в целом, безусловно, содержательность анализа, последовательность, четкость и строгость изложения материала, аргументация выдвигаемых положений и хорошо продуманные перспективы дальнейшего исследования категории вида русского глагола при использовании двухкомпонентного подхода очевидны, а монография С.А. Карпухина «Семантика русского глагольного вида», ее теоретическая значимость, новизна и практическая ценность не вызывают сомнения.

В.П. Малащенко, Т.В. Милевская

ПИСАТЬ, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ?

(Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста: Очерки теории и практики: Учебное пособие / Под общ. ред. Я.Н. Засурского. М.: Академический Проект, 2007. 528с. (Gaudeamus)).

Учебное пособие для вузов, написанное О.Р. Самарцевым, дополняет, как сказано в авторском предисловии, обширный материал курса «Основы творческой деятельности журналиста», уделяя основное внимание «вещам практического свойства, важным и для студентов, и для преподавателей».

Эта книга — действительно кладезь журналистского опыта, сборник практических советов. Среднее между учебником и справочником, то, что на западе называется «хэндбук». Настольная книга о том, «как это делается». Причем все ответы и рецепты основаны на опыте западной, точнее английской, журналистики.

Очень интересно. И очень нужно. Автор точно заметил: газетчики из самоучек и студенты часто ксерокопируют самодельные переводы западных методик написания текстов. Отчасти — под влиянием процессов глобализации на российские СМИ. Но еще и потому, что хэндбуков отечественных просто не найти. Наши учебники в основном излагают теорию, далеко не всегда иллюстрируя ее примерами из практики. Насущные простые вопросы — как это написать? — остаются для самостоятельной подготовки к лабораторным занятиям...

В аннотации, написанной авторитетнейшим Я.Н. Засурским, сказано, что книга «полностью следует основным разделам курса «Основы творческой деятельности журналиста», рассматривая наиболее сложные в методологическом отношении вопросы. Это удобно. Действительно ценным дополнением к учебникам по курсу могут быть разделы учебного пособия, посвященные особенностям журналистской деятельности, источникам и методам получения информации. Объемные разделы об интервьюировании и о новостях содержат полезные практические советы. Вообще большая часть книги посвящена именно новостной журналистике, а это реальная помощь первокурсникам, «основы» преподаются как раз им. А начальные этапы овладения профессией журналиста в разных стра-